

Agatha Christie

АГАТА КРИСТИ

Ночная тьма

ЭКSMO

Агата Кристи

Ночная тьма

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121983

Ночная тьма : детективный роман / Агата Кри-сти: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-47925-2

Аннотация

Старинный особняк, который считают проклятым; древнее цыганское заклятие; песенка на стихи Блейка, строчка из которой и дала название роману; убийство, кажущееся поначалу обычным убийством ради наследства, но оказавшееся отнюдь не единственным, – все смешалось в романе «Ночная тьма»...

Содержание

Книга первая	4
Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Агата Кристи

Ночная тьма

Норе Причард, от которой я впервые услышал легенду о цыганском участке

Книга первая

Глава 1

«Конец твоего пути предопределен его началом...» Это изречение я часто слышал от разных людей. Звучит оно красиво, но что на самом деле значит?

Есть ли некая точка отсчета, отыскав которую можно было бы сказать: «Все началось именно в тот день, в тот час, в том месте и с того события»?

Возможно, эта история началась с того, что я заметил на доске объявлений компании «Джордж энд Дрэгон» сообщение о предстоящей продаже с аукциона довольно обширного поместья «Тауэрс»? В сообщении были указаны площадь «Тауэрса» в акрах¹, протяженность дороги в милях и дано весьма идеализированное изображение поместья, каким

¹ Акр – мера земельной площади, равная 4046,86 м².

оно, наверное, было в пору своего расцвета, – восемьдесят, а то и сто лет назад.

Помнится, я от нечего делать прогуливался по главной улице захолустного местечка Кингстон-Бишоп, тогда и наткнулся на это объявление. Почему? Судьба сыграла злую шутку? Или, наоборот, на мою долю выпал счастливый случай? Трудно сказать.

А может быть, все началось с моей встречи с Сэнтониксом, с тех бесед, что мы вели? Перед моим внутренним взором тотчас возникают его пылающие щеки, горящие глаза, движения сильной, хотя и тонкой кисти: он работает над эскизами зданий. С особым тщанием над одним из них, до того красивым, что я и сам с удовольствием бы стал его владельцем.

Желание иметь дом, прекрасный и удивительный, о котором я и помыслить не смел, возникло у меня именно тогда, во время бесед с Сэнтониксом. Мы предавались мечтам о доме, который он построит для меня – если, конечно, ему позволит здоровье.

И еще я мечтал, что поселюсь в нем с любимой женщиной и мы, как в детской сказке, будем там «жить-поживать да добра наживать», – все это была, конечно, игра воображения, забава, но она заставляла меня жаждать того, что я вряд ли мог надеяться заполучить.

Или, если это повесть о любви – а это, клянусь, именно повесть о любви, – тогда почему бы мне не начать с того, как

я впервые увидел Элли? Она стояла в тени разлапистой ели, что растет на Цыганском подворье.

Цыганское подворье... Да, все-таки лучше начать с той минуты, когда я, чуть вздрогнув – потому что на солнце вдруг набежало темное облако, – отвернулся от доски объявлений и, обратившись к местному жителю, который подстригал живую изгородь в двух шагах от меня, с нарочитой небрежностью в голосе спросил:

– А что представляет собой этот «Тауэрс»?

Я и сейчас помню то странное выражение, с каким старик искоса поглядел на меня.

– Мы его называем по-другому. Что это за название? – неодобрительно фыркнул он. – Там уже много лет никто не живет, все и позабыли, что это «Тауэрс». – И опять фыркнул.

Я спросил его, как они называют этот дом, и тут он отвел глаза – обычная манера деревенских жителей, когда они не хотят говорить откровенно. Глядя куда-то в сторону, словно там он видел что-то такое, чего не видел я, он сказал:

– У нас в округе его зовут Цыганским подворьем.

– А почему? – спросил я.

– Из-за какой-то темной истории. Сам толком не знаю. Кто одно говорит, кто другое. – И затем добавил: – Но всем известно, что место это гиблое, там вечно случаются всякие беды.

– С машинами?

– Не только. Нынче, конечно, больше с машинами. Там

ведь дорога как раз делает крутой поворот.

– Ну ясно, – отозвался я. – Если крутой поворот, то несчастных случаев не избежать.

– Местные власти поставили там дорожный знак, но толку от этого мало. Все равно машины бьются – одна за одной.

– А почему «Цыганское»? – спросил я.

И снова его взгляд метнулся в сторону.

– Да все те же рассказы, – уклонился он от прямого ответа. – Говорят, когда-то это место принадлежало цыганам, а потом их выгнали, и они предали землю проклятию.

Я невольно расхохотался.

– Чего тут смешного? – рассердился он. – Разве нет на земле проклятых мест? Вам, городским умникам, ничего про них не ведомо. Цыганское подворье – одно из таких. Как стали из тамошней каменоломни брать камень для строительства, то сколько людей погибло... А старый Джорди как-то вечером свалился там с обрыва и сломал себе шею.

– Пьяный? – предположил я.

– Возможно. Выпить он был не дурак. Но мало ли пьяниц падают в реку, здорово расшибаются, конечно, но все-таки остаются живы. А Джорди сломал себе шею. Вон там, – он ткнул пальцем себе за спину на поросший соснами холм, – на Цыганском подворье.

Да, пожалуй, с этого все и началось. Но тогда я не придавал этим словам никакого значения. Случайно запомнил – вот и все. Когда я задумываюсь над этим, то есть когда задумыва-

юсь всерьез, мне начинает казаться, что многое я домыслил сам. Не помню, в тот ли момент или чуть позже я спросил у него, есть ли в округе цыгане. Теперь, ответил он, их почти не осталось. Полиция гоняет.

– А почему цыган так не любят? – спросил я.

– Потому что на руку больно нечисты, – сердито ответил он и пристально посмотрел на меня. – А в вас, случаем, нет цыганской крови? – угрюмо поинтересовался он, не спуская с меня глаз.

Я сказал, что понятия не имею. Я и вправду немного смахиваю на цыгана. Быть может, поэтому меня и привлекло это название – Цыганское подворье. Я улыбнулся ему и подумал, что, может, и в самом деле во мне есть капля цыганской крови. Разговор у нас вышел, прямо скажем, весьма любопытный.

Цыганское подворье... Я пошел по дорожке, что вилась среди темных деревьев на вершину холма. Оттуда открывался вид на море с кораблями. Панорама была чудесной, и мне вдруг подумалось: «А что, если бы Цыганское подворье принадлежало мне?» Взбрдет же такое в голову... Какая чушь.

Когда я на обратном пути проходил мимо своего недавнего собеседника, он сказал:

– Если вам нужны цыгане, то у нас здесь есть старая миссис Ли. Она живет в коттедже, ее туда пустил майор.

– Какой такой майор? – спросил я.

– Майор Филпот, конечно. – Он был просто потрясен и

даже оскорблен – как мог я задать подобный вопрос?

Я понял, что майор Филпот был местным божеством. А миссис Ли вроде как была у него на иждивении. Филпоты, похоже, жили и правили здесь с незапамятных времен.

Я попрощался со стариком и двинулся было дальше, и тут он сказал:

– Ее дом крайний на этой стороне улицы. Да вы ее увидите, небось бродит по саду. Тем, у кого в жилах цыганская кровь, в комнатах не сидится.

Я побрел по улице, насвистывая, и размышляя про Цыганское подворье, и совершенно не думая о последних словах старика, как вдруг увидел, что из-за изгороди за мной пристально следит высокая темноволосая пожилая женщина. Я тотчас понял, что это и есть миссис Ли. Я остановился.

– Мне сказали, что вы знаете все про Цыганское подворье, – сказал я.

Глаза ее смотрели на меня в упор из-под растрепанной черной челки.

– Послушай меня, мил-человек. Забудь о Цыганском подворье. Ты – красивый парень. Цыганское подворье еще никому счастья не приносило, не принесет и тебе.

– Оно вроде бы продается, – сказал я.

– Да, но купит его только последний глупец.

– А есть желающие?

– Какой-то подрядчик. И не он один. И продадут его за гроши. Вот увидишь.

– Это почему же? – заинтересовался я. – Участок ведь превосходный.

Она ничего не ответила.

– Допустим, подрядчику удастся дешево купить его. И что он будет с ним делать?

Она засмеялась. Смех у нее был неприятный, даже зловещий.

– Снесет старый, ветхий дом и построит новый. А то и двадцать-тридцать домов – и на всех будет лежать проклятие.

Эта ее угроза почему-то не произвела на меня должного впечатления, и я, не сдержавшись, выкрикнул:

– Зачем же сносить! Этого ни в коем случае нельзя допустить!

– Можешь не волноваться: им это еще аукнется. И тем, кто купит поместье, и тем, кто будет класть кирпич и готовить раствор. Один упадет с лестницы. Нагруженный доверху грузовик перевернется, а шиферная плитка упадет с крыши прямо кому-то на голову. А потом ни с того ни с сего начнется ураган и станут падать деревья. Никому на свете Цыганское подворье не принесет добра. Лучше оставить его в покое. Вот увидишь. – И, энергично тряхнув головой, она тихо повторила про себя: – Нет, не будет счастья тому, кто сунется на Цыганское подворье. И никогда не было.

Я рассмеялся.

– Не смейся, юноша, – строго произнесла она. – Настанет

день, когда ты пожалеешь о своем смехе. Счастья здесь не бывало – ни в доме, ни на земле.

– А что случилось с домом? – спросил я. – Почему он так давно пустует? Почему его оставили без присмотра?

– Его последние хозяева умерли, все до единого.

– А как они умерли? – заинтересовался я.

– Об этом лучше не спрашивай. Но с тех пор ни у кого не было желания въехать туда. Вот дом и рушится помаленьку. Про него забыли, и правильно сделали.

– Но почему бы тебе не рассказать мне, что здесь произошло? – стал упрашивать ее я. – Ты ведь знаешь, а?

– Не люблю я сплетничать про Цыганское подворье. – И вдруг она заныла, как нищенка на паперти: – Хочешь, красавчик, я тебе погадаю? Посеребри ручку, и я расскажу, что тебя ожидает. Ты везучий, можешь далеко пойти.

– Я не верю в гадания, – отозвался я, – и нет у меня серебра. Лишнего, во всяком случае.

Она подошла поближе и тем же лицемерно-жалобным тоном продолжала:

– Найдется у тебя шестипенсовик?² Есть? Давай сюда. Я расскажу тебе все за один шестипенсовик. Что такое шесть пенсов? Разве это деньги? Так и быть, погадаю тебе, считай, задаром, потому что ты красавчик, и за словом в карман не лезешь, и умеешь себя вести. Говорю же: ты далеко пойдешь.

Я покорно выудил из кармана шестипенсовик – не пото-

² Шестипенсовик – монета в 6 пенсов, имевшая хождение до 1971 года.

му, что поверил в ее глупую болтовню, просто мне чем-то пришлось по душе эта старая плутовка, хотя я и видел ее насквозь. Схватив монету, она сказала:

– Дай руку. Обе.

Она взяла мои руки в свои когтистые морщинистые лапы и уставилась мне на ладони. Она довольно долго молча их разглядывала, потом вдруг резко их выпустила, даже оттолкнув от себя. И, чуть отступив назад, сурово сказала:

– Если желаешь себе добра, сейчас же уезжай. Забудь про Цыганское подворье и не возвращайся назад! Это лучший совет, какой я могу тебе дать. Не возвращайся.

– Почему? Почему мне нельзя вернуться?

– Потому что, если ты вернешься, тебя ждет горе, утрата и, быть может, опасность. Тебя ждет беда, большая беда. Забудь про это место, говорю тебе.

– Да в чем, собственно, де...

Но она уже повернулась и пошла к дому. А войдя в него, захлопнула за собой дверь. Я не из суеверных. Я, конечно, верю, как все мы, в удачу. Но поверить в то, что существуют какие-то старые дома, на которых якобы лежит проклятие!.. Это уж чересчур. И тем не менее мне стало как-то не по себе, оттого что старая карга что-то такое увидела на моих ладонях. Я тоже стал их разглядывать. Что там можно было разглядеть? Чувшь все это, все эти гадания. Просто один из способов вытягивать деньги, воспользовавшись наивностью и доверчивостью всяких простаков. Я взглянул на небо.

Солнце уже село, и все вокруг изменилось. Вместе с сумерками на землю опустилось что-то зловещее. «Наверное, будет гроза», – решил я. Поднялся ветер, зашелестела на деревьях листва. Я двинулся назад к центру Кингстон-Бишоп. Чтобы поднять себе настроение, я стал насвистывать какой-то мотивчик.

Поравнявшись с доской объявлений, я посмотрел, когда именно состоится продажа «Тауэrsa». Я ни разу в жизни не бывал на аукционе, где продается недвижимость, и потому решил, что приеду обязательно. Интересно было посмотреть, кто станет владельцем Цыганского подворья. Да, думаю, именно с этой мысли, в сущности, все и началось... А потом я размечтался. Как я приеду и сделаю вид, что тоже готов бороться за Цыганское подворье! Попробую сразиться с местными подрядчиками! В конце концов они выйдут из игры, потеряв надежду получить его по дешевке, и я куплю его, поеду к Рудольфу Сэнтониксу и скажу ему: «Постройте мне дом. Я купил участок». И приведу в этот дом девушку, естественно, красавицу из красавиц, и мы будем, как пишут в сказках, «жить-поживать да добра наживать».

Да, помечтать я всегда любил. Но мечты так и оставались мечтами, но мне от них делалось веселее. Веселее! Так я рассуждал тогда! Господи боже мой, если бы я только знал!

Глава 2

В окрестностях Цыганского подворья в тот день я оказался совершенно случайно. Я привез туда из Лондона одну весьма пожилую супружескую чету на распродажу в один из соседних домов. Сам-то дом, большой и уродливый, не продавали. Только вещи. А моих пассажиров очень интересовала, как я понял из их разговоров, коллекция вещей из папье-маше. В ту пору я понятия не имел, что это такое. Единственный раз слово «папье-маше» я слышал от своей матери. Когда в разговоре с кем-то она утверждала, что раковины из папье-маше были куда приятнее нынешних из пластмассы. Помню, меня весьма изумило, что такие состоятельные люди едут в какое-то захолустье за какими-то вещами, сделанными не пойми из чего.

Однако я запомнил этот факт и решил заглянуть в словарь, узнать, что же представляет собой папье-маше, если ради него люди готовы нанять машину и тащиться на распродажу за город. Мне нравилось узнавать о неведомых для меня вещах. В ту пору мне было двадцать два года, и я таким манером уже успел набраться кое-каких знаний. Я неплохо разбирался в автомобилях, был отличным механиком и умелым шофером. К тому времени я уже поработал конюхом в Ирландии. Потом чуть не связался с торговцами наркотиками, но вовремя опомнился и сбежал от них. Место шофе-

ра в известной на всю страну компании проката автомобилей – это совсем неплохо. С учетом чаевых зарабатываешь приличные деньги. И стараний особых не требуется. Правда, порой одолевает скука.

Однажды летом я подрядился собирать фрукты. Платили скудно, но работа мне нравилась. Вообще-то кем я только не работал. Был официантом в третьеразрядном отеле, спасателем на пляже, торговал энциклопедиями и пылесосами, ну и мелочами всякими, работал даже в ботаническом саду, где научился разбираться в цветах.

Но долго я нигде не задерживался. Зачем? Мне многое нравилось, почти все, чем я занимался. Одна работа была легкой, другая потруднее, но меня это не беспокоило. Я не из ленивых. Скорей из непосед. Мне везде хотелось побывать, все посмотреть, все попробовать. Я постоянно был в поиске. Да, именно так. Я все время чего-то искал.

С тех пор как я расстался со школой, мне вечно чего-то хотелось, но чего именно, я и сам не мог понять. Меня не покидало какое-то смутное неутолимое желание. Потом я понял, что меня томило. Мне нужна была девушка... Мне нравились многие девушки, но я все не встречал такой, на которой не задумываясь остановил бы свой выбор... Поначалу девушка вроде очень нравится, а потом с не меньшим удовольствием знакомишься с другой. Девушек я менял так же часто, как работу. Первое время – все замечательно, потом она тебе начинает надоедать, вот и ищешь другую. С тех пор

как я бросил учиться, я только и делал, что менял одно на другое.

Большинство моих знакомых относились к такому моему образу жизни весьма скептически. Они были из породы так называемых «доброжелателей». Я же считал, что они просто меня не понимают. Они хотели, чтобы я постоянно ухаживал за какой-нибудь одной славной девушкой, накопив денег, женился бы на ней, нашел себе постоянную работу и жил бы припеваючи. День за днем, год за годом, и так без конца, аминь. Нет, ваш покорный слуга на это не способен! Пресное существование, подкрепляемое системой социального обеспечения в ее недопеченном виде, – это не по мне. Неужто, думал я, в мире, где человек сумел запустить в небо спутник и того и гляди отправится на другие планеты, не найдется ничего, что заставило бы учащенно биться мое сердце! Ради этого я готов был обойти весь белый свет. Однажды, помню, шел я по Бонд-стрит. В ту пору я работал официантом, и мне как раз предстояло заступать на смену. Я шел не спеша, разглядывая витрины с обувью. Туфли на любой вкус, одни лучше других! Как обычно пишут в газетной рекламе: «Вот что носят сегодня элегантные мужчины», а рядом фотография такого мужчины. И всегда он, этот тип, выглядит почему-то прощельгой! Все эти рекламные фокусы вызывали у меня только смех!

Следующей была витрина лавки, торговавшей картинами. Там были выставлены всего три картины, искусно задрапи-

рованные по углам золоченых рам бархатом какого-то нейтрального цвета. Настоящий шик, ничего не скажешь. Я не больно интересуюсь искусством. Однажды из чистого любопытства я побывал в Национальной галерее. Эти огромные красочные изображения битв в горных долинах, равно как и иссохшие святые, пригвожденные стрелами к крестам, и портреты жеманных, самодовольно улыбающихся знатных дам в шелках, бархате и кружевах, нагоняли на меня тоску. Вот тогда я раз и навсегда решил, что искусство не для меня. Картина же, на которую я смотрел сейчас, была совсем другой. На витрине, как я уже сказал, было три картины. Одна – пейзаж, кусочек сельской местности, это я и так почти каждый день видел воочию. Другая изображала женщину, но в каком-то странном ракурсе, с таким нарушением пропорций, что не сразу можно было догадаться, что перед тобой женщина. Кажется, это называют авангардом³. Сказать по правде, я не имею понятия, что это значит. А вот третья картина была то, что надо. Вроде бы ничего особенного. Она была – как бы это сказать? – довольно простой. Несколько больших колец, вписанных одно в другое. И все разных цветов, причем самых неожиданных. А по краям брошены яркие мазки, которые, по-видимому, ничего не означали. Только все вместе они были полны значения! Не умею я описывать. Могу только сказать, что от картины нельзя было ото-

³ Авангард – условное название ряда направлений в искусстве XX века, для которых характерен отход от реалистических традиций.

рвать глаз.

Я стоял перед витриной и чувствовал себя престранно, будто со мной случилось нечто необычное. Те модные туфли, к примеру, я бы купил с удовольствием. Я вообще очень разборчив в одежде. Люблю хорошо одеваться, чтобы производить впечатление, но я никогда всерьез не помышлял о покупке обуви на Бонд-стрит. Известно, какие там цены, – такие туфли стоят не меньше пятнадцати фунтов. Говорят, что это ручная работа, потому, мол, и стоят так дорого. Пустая трата денег. Туфли, конечно, шикарные, но переплачивать за шик, ей-богу, не стоит. Я пока еще не сошел с ума!

Но эта картина... «Сколько же она может стоить? – вдруг подумал я. – Не купить ли? Ты спятил, – сказал я себе. – Тебя же картины не интересуют». Все верно, но эту картину мне так хотелось... Хорошо бы ее заиметь. Повесить у себя в комнате, сидеть и смотреть на нее сколько захочешь и знать, что она принадлежит тебе! Я покупаю картину! Безумие какое-то! Я снова посмотрел на нее. О чем я думаю? И кроме того, я позволить-то себе этого, наверное, не могу. По правде говоря, в тот день кое-какие деньги у меня имелись. Удачно поставил на одну лошадку. Картина небось стоит немало. Фунтов двадцать. А то и двадцать пять! Во всяком случае, почему бы не прицениться. Ведь не съедят же меня! И я вошел, с несколько воинственным видом и в то же время готовый отразить удар.

Внутри царили тишина и величие. Освещение было при-

глушнным, стены выкрашены в какой-то серый цвет, а посередине стояла бархатная кушетка, на которую можно было сесть и любоваться картинами. Ко мне подошел человек, одетый с иголочки – как на рекламной картинке, – и, в полном соответствии с окружающей обстановкой, заговорил приглушенным голосом. И что удивительно, в его обращении не было и следа того высокомерия, каким отличаются служащие магазинов на Бонд-стрит. Выслушав меня, он снял картину с витрины и, отойдя к противоположной стене, поднял так, чтобы я мог ее разглядывать сколько захочу. Именно тогда меня осенило (такое бывает, когда вдруг понимаешь, что к чему): при продаже картин действуют совсем иные правила, нежели при продаже других вещей. В такую лавку может заглянуть человек, одетый в старый потертый костюм и обтрепанную рубашку, и оказаться миллионером, который желает пополнить свою коллекцию. Или человек вроде меня, одетый дешево и безвкусно, но испытывающий такое неукротимое желание заполучить понравившуюся ему картину, что сумеет всеми правдами и неправдами собрать нужную сумму денег.

– Превосходный образец живописи, – сказал человек, продолжая держать в руках картину.

– Сколько? – быстро спросил я.

От его ответа у меня перехватило дыхание.

– Двадцать пять тысяч, – тихо сказал он.

Я умею делать хорошую мину при плохой игре и потому

и бровью не повел. По крайней мере, мне так показалось. Он назвал какую-то фамилию, по-видимому иностранную, наверное, фамилию художника, и добавил, что картина попала к ним откуда-то из провинции и ее хозяева и понятия не имели, что это такое. Я держался как мог.

– Деньги немалые, но картина, наверное, того стоит, – вздохнул я.

Двадцать пять тысяч фунтов. Курам на смех!

– Да, – тоже вздохнул он. – Конечно. – И, осторожно опустив картину, поставил ее обратно в витрину. – У вас неплохой вкус, – заметил он.

Я почувствовал, что мы с ним понимаем друг друга. Поблагодарив его, я вышел на Бонд-стрит.

Глава 3

Я не мастер описывать – во всяком случае, до настоящего писателя мне далеко. Вот, например, картина, про которую я рассказывал. Ничего особенного на ней вроде не было. То есть, хочу я сказать, никаких особых мыслей она не вызывала, ни о чем не говорила, но тем не менее я чувствовал ее значимость, понимал, что она – нечто очень весомое и важное. Встреча с этой картиной была настоящим событием в моей жизни. Точно так же, как и Цыганское подворье. Не меньшую роль сыграл в моей судьбе и Сэнтоникс.

Пока я еще ничего о нем толком не рассказывал. Но вы, наверное, уже догадались, что он был архитектором. До него я с архитекторами никогда не встречался, хотя кое-что соображал в строительном деле. На Сэнтоникса я наткнулся в период моих блужданий. А именно в ту пору, когда работал шофером, возил богатых людей. Мне довелось побывать и за границей: дважды в Германии – я немного знаю немецкий, и дважды во Франции – по-французски я тоже кое-как болтаю, и один раз в Португалии. Пассажиры мои были в основном пожилыми – то есть с хорошими деньгами и плохим здоровьем.

Когда возишь таких людей, начинаешь понимать, что деньги вовсе не гарантируют райской жизни. И у богатых людей бывают сердечные приступы, и потому им надо все

время глотать какие-то таблетки. А в отелях их тоже порою невкусно кормят или плохо обслуживают, из-за чего возникают скандалы. Почти все богачи, которых мне довелось знать, были людьми несчастными. Неприятностей у них по горло. То с налогами, то с размещением капитала. Послушали бы вы, о чем они беседуют между собой или с друзьями! Постоянное беспокойство – вот что загоняет их в могилу. И в любви они тоже особой радости не находят, заполучая себе в жены либо длинноногих блондинок, которые сразу же после свадьбы начинают наставлять им рога, либо вечно ноющих уродин, которые то и дело их поучают. Нет, по мне, лучше оставаться самим собой – Майклом Роджерсом, который любит путешествовать и время от времени завязывать интрижки с хорошенькими девушками.

Денег при таком образе жизни у меня, разумеется, было негусто, но я не жаловался. Жилось мне весело и привольно. Не знаю, конечно, как было бы дальше, ибо подобное отношение к жизни проходит вместе с молодостью. Нет молодости, и веселье уже не в радость.

Но в глубине души у меня таилось смутное желание... обладать. Чем именно, я не знал и сам... Однако, продолжая начатую уже историю, расскажу об одном старике, которого часто возил на Ривьеру⁴. У него там строился дом. Вот он и ездил смотреть, как идут дела. Архитектором у него был

⁴ Ривьера – полоса побережья Средиземного моря; делится на Французскую и Итальянскую, зона отдыха и туризма, международные курорты.

Сэнтоникс.

Я так и не знаю, кем Сэнтоникс был по национальности. Сначала я считал его англичанином, хотя такой странной фамилии мне ни разу не доводилось слышать. Нет, англичанином он, пожалуй, не был. Скорей всего, скандинавом. Со здоровьем у него было неважно – я сразу это заметил. Он был молодой, светловолосый, с худым и каким-то странным лицом – то ли чуть перекошенным, то ли асимметричным. С клиентами он особо не церемонился. Вы, наверное, думаете, что поскольку они платили деньги, то заказывали и музыку? Как бы не так. Они боялись Сэнтоникса, потому что тот всегда был уверен в своей правоте.

Помню, когда я в первый раз привез своего старикана, он как глянул на то, что уже было готово, так прямо закипел от злости. Пока я крутился возле них, выполняя обязанности то шофера, то лакея, мне довелось урывками слышать их разговор, и очень скоро я стал побаиваться, как бы мистера Константина не хватил удар.

– Вы все сделали совсем не так, как я велел! – кричал он. – И потратили слишком много денег. Слишком много! Мы так не договаривались. Выходит, дом обойдется мне куда дороже, чем я рассчитывал?

– Совершенно верно, – ответил Сэнтоникс. – Но деньги для того и существуют, чтобы их тратить.

– Еще чего! Тратить! Вы не имеете права выходить за рамки определенной мною суммы, понятно?

– Тогда у вас не будет такого дома, какой вы хотите, – сказал Сэнтоникс. – Только я знаю, что именно вы хотите. И строю дом, который вам нужен. И мы с вами оба это знаем. Бросьте скряжничать и препираться. Вам нужен роскошный дом, и вы его получите – будете потом показывать друзьям, которые умрут от зависти. Я берусь строить далеко не всем, я вам об этом уже говорил. Мне важны не только деньги, но и творческое удовлетворение. Ваш дом не будет похож на другие дома.

– Это ужасно! Ужасно!

– О нет. Ужасно то, что вы сами не знаете, чего хотите. По крайней мере, такое создается впечатление. На самом же деле вы знаете, чего хотите, и просто не можете представить. Не видите этого. А я – вижу. Я всегда понимаю, что люди ищут и чего они хотят. У вас есть чутье на красоту. Эту красоту я вам и подарю.

Он говорил, а я стоял рядом и слушал. И понемногу тоже начинал видеть, каким необычным будет этот дом, который строился среди сосен на берегу моря. Его окна вопреки обыкновению выходили не на море, а на просвет между горами, на крошечный кусочек неба. Это было странно, непривычно и прекрасно.

Когда я не был занят, Сэнтоникс иногда со мной заговаривал.

– Я строю дома только тем, кому пожелаю.

– То есть богатым, хотите сказать?

– Но людям небогатым строительство дома не по карману. Однако деньги меня интересуют постольку-поскольку. Мои клиенты должны быть состоятельными, потому что дома, которые я строю, стоят недешево. Сам по себе дом еще ничто. Ему нужна оправка, которая не менее существенна, чем сам дом. Красивый камень, рубин или изумруд, – это всего лишь красивый камень. Он ничего собой не представляет, ибо, пока нет оправы, он не может служить украшением. Но и оправка должна быть достойна прекрасного камня. Дому такой оправкой служит ландшафт, окружающая его природа, которая, пока существует сама по себе, ничего собой не представляет. Но как только в нее вписывается дом, она становится оправкой для редкостного брильянта. – Он посмотрел на меня и рассмеялся. – Понятно?

– Не очень, – признался я. – И тем не менее... по-моему, я кое-что понимаю.

– Вполне возможно. – В его глазах появилось любопытство.

Мы еще раз ездили на Ривьеру. К тому времени строительство дома было уже почти завершено. Не буду его описывать, потому что вряд ли мне это по силам, могу только сказать, что в нем было... нечто особенное и был он прекрасен, это я понял. Этим домом можно было гордиться, показывать людям, жить в нем с любимым человеком. И вдруг в один прекрасный день Сэнтоникс сказал мне:

– Знаете, вам я, пожалуй, согласился бы построить дом.

Мне кажется, я знаю, какой дом вам хотелось бы иметь.

Я покачал головой и честно признался:

– Я и сам этого не знаю.

– Вы, может, и не знаете, зато я знаю. – И добавил: – Жаль, что у вас нет денег.

– И никогда не будет, – сказал я.

– Это еще неизвестно, – откликнулся Сэнтоникс. – Рожденный в бедности отнюдь не всегда остается бедняком навсегда. Деньги – странная штука. Они идут к тому, кто их сильнее хочет.

– Чтобы разбогатеть, мне не хватает ума, – вздохнул я.

– Честолюбия вам не хватает – вот в чем беда. Вообще-то оно у вас есть, но пока еще не проснулось.

– Что ж, – отозвался я, – в таком случае, как только я его разбуду и накоплю денег, я приеду к вам и попрошу построить мне дом.

– К сожалению, я не могу ждать... – вздохнул он. – Не могу позволить себе пребывать в ожидании. Мне отпущен короткий срок. Еще один-два дома, не больше. Никому не хочется умирать молодым, но порой приходится... Ладно, все это пустые разговоры.

– Значит, мне нужно побыстрее разбудить свое честолюбие.

– Не стоит, – сказал Сэнтоникс. – Вы человек здоровый, живется вам весело. Зачем же что-то менять?

– Да если бы даже и захотел, ничего бы не вышло, – с гру-

стью отозвался я.

В ту пору я именно так и считал. Но мне нравилось, как я живу, а жил я, повторяю, весело, и здоровье у меня было отменное. Я часто возил людей, у которых водились деньги, заработанные тяжким трудом, а вместе с ними заработаны язва желудка, грудная жаба⁵ и многое другое. Я же сам отнюдь не собирался перенапрягаться. Конечно, старался работать не хуже других, но не более того. И честолюбия у меня не было, или, во всяком случае, так мне казалось. Зато у Сэнтоникса честолюбия, по-моему, было в избытке. Оно и заставляло его проектировать и строить дома, делать эскизы и многое другое, для меня непостижимое... а заодно и забирало у него все физические силы. Он вообще был не слишком вынослив от природы. Порой мне приходила в голову несуразная мысль, что он просто загоняет себя в могилу этой своей бесконечной работой, в которой выкладывается на всю катушку. Я же работать не хотел – вот и все. Я работу презирал, совершенно ею не дорожил. Считал, что ничего хуже работы человечество не изобрело.

О Сэнтониксе я думал довольно часто. Он занимал мои мысли, пожалуй, больше остальных моих знакомых. Странная вещь – человеческая память. Уж очень она избирательна. Человек помнит то, что хочет помнить. Сэнтоникс и дом, построенный им на Ривьере, та картина в лавке на Бонд-

⁵ Грудная жаба – обиходное название болезни сердца, сопровождающейся приступами сжимающих болей в области сердца, удушьем, нередко страхом.

стрит, руины старого особняка под названием «Тауэрс» и рассказ о Цыганском подворье – все это я отлично запомнил! Еще я хорошо помнил девушек, с которыми встречался, и поездку за границу, куда возил клиентов. Клиенты же были все одинаковы – скучные. Они всегда останавливались в одних и тех же отелях и заказывали одни и те же безвкусные диетические блюда.

Меня по-прежнему не покидало странное ощущение, словно ожидание чего-то особенного, какого-то предложения или события. Не знаю, как получше описать это ощущение. Наверное, на самом деле я искал свою единственную – я имею в виду не просто добропорядочную девушку, на которой можно было бы жениться и которая пришлась бы по вкусу моей матери, дяде Джошуа и кое-кому из моих приятелей. Но в ту пору я еще ничего не смыслил в любви. Зато недурно разбирался в сексе. Как, впрочем, и все мои ровесники. Мы слишком много об этом говорили, слишком много слышали, а потому принимали все эти откровения чересчур всерьез. Мы – я и мои приятели – понятия не имели, что это такое – когда приходит любовь. Мы были молоды и полны сил, мы глазели на встречных девушек, оценивая их фигуры, ножки, взгляды, брошенные на нас, и думали про себя: «Согласится или нет? Стоит ли тратить время?» И чем больше девушек бывало у меня в постели, тем больше я хвастался. Чем большим молодцом меня считали друзья, тем большим молодцом я считал себя сам.

Я и не подозревал, что все мои подвиги не имеют ничего общего с любовью. Наверное, рано или поздно прозрение приходит к каждому – и наступает внезапно. И ты уже не думаешь, как бывало: «Эта малышка, пожалуй, мне подходит... Она должна стать моей». Я, по крайней мере, испытывал совсем иное чувство. Я и понятия не имел, что это произойдет так стремительно. Что я сразу пойму: «Вот девушка, которой я принадлежу. Я в ее власти. Полностью и навсегда». Нет, мне и в голову не приходило, что так получится. Один старый комик вроде бы часто повторял такую шутку: «Ко мне однажды уже приходила любовь. Как почувствую, что она вот-вот заявится снова, срочно сбегу куда-нибудь подальше». То же самое и со мной. Если бы я знал, если бы я только мог знать, к чему все это приведет, я бы тоже сбежал! Если бы, конечно, был умнее!

Глава 4

Я помнил про аукцион на Цыганском подворье. До него осталось три недели. Я успел дважды съездить на континент – раз во Францию и раз в Германию. Именно в Гамбурге и наступил критический момент. Во-первых, мне осточертела супружеская пара, которую я возил. Они олицетворяли собой все, что я ненавидел. Они были грубыми, неприятными внешне, ни с кем не считались и вызывали во мне только одно желание – немедленно покончить с моей лакейской работой. Разумеется, я никак не проявлял своих чувств. Они мне были отвратительны, но я, естественно, не показывал виду. Зачем же портить отношения с фирмой, на которую работаешь. Поэтому я просто позвонил своим пассажирам в отель, сказал, что заболел, и дал телеграмму в Лондон с тем же сообщением, добавив, что могу оказаться в больнице, а потому прошу прислать мне замену. Никто не мог ко мне придрататься. А поскольку я никого особенно не интересовал, то проверять они не стали, по-видимому полагая, что я лежу с высокой температурой и потому не в силах сообщить дополнительные сведения. По возвращении в Лондон я бы смог наплести им кучу небылиц о том, как тяжело болел. Но я не собирался этого делать. Я был сыт по горло шоферской деятельностью.

Этот бунт стал поворотным пунктом в моей жизни. Бла-

годаря ему и многому другому я в нужный день и час очутился в зале, где шел аукцион.

«Если не будет продан ранее по договоренности» – такое условие было наклеено поперек доски с объявлениями. Нет, «Тауэрс», как выяснилось, не был продан. Я был так возбужден, что плохо соображал, что делаю.

Как я уже сказал, я никогда до этого не бывал на аукционах, где продается недвижимость. Я был уверен, что это нечто весьма волнующее, но я ошибся. Это был один из самых скучных спектаклей, на которых мне когда-либо довелось бывать. Проходил он в довольно унылой обстановке в присутствии всего шести-семи человек. И аукционист на сей раз совсем не был похож на виденных мною раньше бойких аукционистов, распродававших мебель или всякую утварь. Добродушно пошучивая, они весело расхваливали товар. Здешний же сдавленным голосом описал поместье, уточнил его площадь и другие данные и с полнейшим безразличием перешел к торгам. Когда кто-то предложил пять тысяч фунтов, аукционист устало улыбнулся, словно услышал не очень смешную шутку, и добавил кое-какие сведения. Поступило еще несколько предложений, в основном от людей деревенского вида: от человека, похожего на фермера, от одного, как я догадался, из конкурирующих между собой подрядчиков, а также от двух адвокатов, один из которых, похоже, приехал из Лондона, ибо был хорошо одет и вид имел весьма солидный. Правда, я не обратил внимания,

предложил ли он свою цену. Если предложил, то очень тихо и скорей жестом. Так или иначе, аукцион подошел к концу, и ведущий унылым голосом объявил, что поскольку никто не дал резервированную цену⁶

⁶ Резервированная цена – цена, ниже которой продающая сторона отказывается продать свой товар с аукциона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.